

Н. Русова, В. Шевцов

«Лиличка!»

Ситуация, легшая в основу одного из лучших лирических стихотворений Маяковского, достаточно прозрачна. Из заголовка и дальнейшего развертывания текста ясно, что перед нами письмо героя к страстно любимой им женщине (Л. Ю. Брик), которая, однако, относится к нему далеко не однозначно и, видимо, может оставить его в любой момент («...День еще — выгонишь, может быть, изругав»). Это своеобразное «заклинание любовью», хотя герой и чувствует, что вряд ли оно поможет («Завтра забудешь, что тебя короновал...»). Тем сильнее покоряет безоглядность высказанного чувства.

Предельно взволнованная интонация как нельзя лучше укладывается в акцентный (тонический) стих, так свойственный Маяковскому. Напомним, что стихосложение этого типа построено на соотношении ударений, а не слогов и поэтому ритмическая выделенность словесных конструкций особо подчеркивает их семантику; возрастает также смысловая роль пауз. Кстати, отсюда вытекает уместность и даже необходимость графического выделения особо значимых текстовых фрагментов — попросту говоря, знаменитых столбцов и «лесенок» Маяковского.

Интимная интонация письма, предназначенного одному-единственному адресату, подчеркивается первым же сравнением: «комната — глава в крученыховском аде»; здесь подразумевается хорошо известная Лиле Юрьевне поэма А. Крученых и В. Хлебникова «Игра в аду». Напряженно-тревожное состояние героя задается также в первой строке: «Дым табачный воздух выел»; ведь папироса сменяет папиросу в моменты отнюдь не радостные. Гиперболичность образной системы, в которую вписывается любовное чувство героя, очень характерна для Маяковского: он относит к себе такие определения, как «исступленный» и «дикий», сравнивает себя (опосредованно) с быком и слоном; говорит о безумии своего отчаяния. Больше того, из стихотворения отчетливо видно, как грозно-соблазнительна для героя мысль о самоубийстве — перечислены целых четыре вида добровольной смерти:

И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа...

Маяковский как бы «заговаривает» сам себя, всеми силами отрешивается от рокового исхода. Как мы знаем, поэт от него все-таки не ушел...

Гиперболизм образов парадоксально и щемяще соединяется с беззащитной нежностью обращений:

Не надо этого, дорогая,

Не последнюю роль в изобразительной системе стихотворения играют такие необычные лексические единицы, как «обезумлюсь, отчаянием иссечась»; «вырветь»; «опожаренный песок». Повышают смысловую емкость словесной ткани эллипсисы («Сегодня сидишь вот, / сердце в железе...» и т. п.), метафоры («карнавал» дней, «листья» слов), а также очень характерные для Маяковского насыщенные действием эпитеты («сломанная дрожью» рука, «обиженные» жалобы, «опожаренный» песок, «взметенный» карнавал).

За строками страстного, молящего, обреченного и нежного монолога во весь рост встает трагический силуэт лирического героя, а точнее, самого Владимира Маяковского,

который, несмотря на тематическое и жанровое разнообразие им написанного, все-таки прежде всего оставался лириком — именно этим он дорог современному читателю.